4-й ГОД ИЗДАНИЯ
№ 29
ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
ИЮЛЬ
Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Телефон редакции 5-49-78, конторы 1-38-90.
1926 ГОД

САНАТОРНОЕ

Рис. А. Радакова

— Кого это чествуют?
— Героя труда! Он, представьте, выдержал санаторный режим!

НА ПЛЯЖЕ

В виду наблюдавшихся нередко случаев направления на курорты не крестьян-землевладельцев, а служащих волисполкомов, сельсоветов и т. д., наркомздрав еще раз категорически предложил отборочным комиссиям посылать на курорты исключительно крестьян от сохи. (Из газет)

Рис. В. Лебедева

— А вы, милая, тоже от сохи?
— Нет. От ожирения.

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ

Под июльским жарким небом
Правду честную вкуси:—
Пахнет хлебом-хлебом-хлебом,
Хлебом пахнет на Руси!

Урожай разлегся дома...
В пышном золоте — земля.
Черной грудью чернозема
Дышат желтые поля...

От Прилук до Семиречья,
От села и до села —
Всюду сила человечья
По дорогам залегла.

Отпуск дан зверью и рыбам:
Знай—люби, плодись, рожай,—
Вся деревня стала дыбом
И пошла на Урожай.

У портов раскрылись глотки:
Где же — тонны? Где — пуды?!
Выпевают марш лебедки
На экспортные лады...

Завозился люд служилый —
Старики и молодняк,
Наркомпуть, напрягши жилы,
Гонит лихо порожняк.

Снова рушатся барьеры —
По команде дан свисток...
Сэры, янки, просто герры
Лик воротят на восток.

А у биржи— бюллетени,
Лезет биржа к хлебу в плен
Живо сгонит злобы тени
Одинокий Чемберлен...

Повезут под жарким небом
Хлеб наш с „данке" и с „мерси"...
Разве плохо пахнет хлебом, —
Хлебом пахнет на Руси?

Александр Флит

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МИНИСТР

«Муссолини стремится выдать незамужних дочерей итальянского короля — одну за болгарского короля Бориса, а вторую — за президента Албанской республики, Ахмет-Бей-Цогу».

Стремится выдать! А думаете, это легко? Ох, как не легко! Набегаешься, мозоли на языке натрешь, уговариваючи... Сто потов с себя сгонишь. А сколько этого самого чаю выхлестаешь!

Потому — порядок такой. Как сваха пришла, сейчас самовар на стол:

— Кушайте, Муссолиниха! Прошу вас...

И начинается, между разговором. А разговор, как известно, надо вести издалека. На это тоже порядок заведен.

— У вас, мол, товар, у меня купец.

А девицы непонятливыми прикидываются. Глаза выкатят и спрашивают:

— Какой-такой товар, какой купец?

А Муссолиниха — опять же не сразу, а обиняко́м, исподволь:

— Ехали купцы, гости заморские, услыхали, значит, про товар бесценный — и охота им разжиться.

А девицы на это:

— Товар-то, может, и бесценный, да кто такие купцы?

Тут, согласно порядку, отодвигает Муссолиниха стакан, кусочек сахару на блюдце кладет и, закатив глаза, будто от восторга, поет тонким голоском:

— Ах, ах! Купцы, конечно, первый сорт. Мужчинки, конечно. Один — брунет жгучий. Усы — стрелками, рост богатырский. Другой, конечно, блондинчик. Ну, такой душка, такой душка. Мундир на ем военный, сабля с портупеей так и блестит...

А девицы на это:

— Ты, милая, зубов-то не заговаривай. Может, сабля блестит, а в брюхе ветер свистит. Может, у них в кармане — вошь да блоха на аркане. Нам этого не требуется — сами имеем!

Тут уже, конечно, Муссолиниха подходит к существу вопроса:

— Ну, слушайте меня, милые красавицы, в оба уха. Скажу вам всее правду истинную. Брунет — не кто иной, как болгарский король Борис.

Девицы сразу поджимают губки.

— Ну! Нашла тоже купца!

— А что же, чем не купец?

— Прощалыга.

— Что вы, что вы! Господь с вами! Жених — лучше не надо! Трон у его крепкий — и сам сидит на ем, и жену-красавицу посадит. Двухместный!

— Ты, старушка божья, троном нас не улещай! Знаем! Нонче тебе трон, а завтра — гуляй вон, считай ворон! Деньги-то, капиталы, у его имеются ли в заграничной банке?

— Нету, девушки. Чего нету, того нету. Врать не стану. Но зато мужчинка — первый сорт. И прямо без ума от вас обеих. Ты, говорит, так им и скажи: спать, говорит, не могу, пить-есть не могу по причине сердечной злодей-тоски! Ежели, говорит, которая нибудь из двух за меня не пойдет, — ума лишусь, народ рубить-вешать стану, по чем зря!

А девицы на это:

— Не заливай, старушка: он и раньше вешал, и теперь вешает. А какой, такой блондинчик, что ты давеча говорила?

— Блондинчик, милые вы мои, не король, конечно, но все-таки шишка не малая. Албанской республики президент, а по имени-фамелью — Ахмет-Бей-Цогу. Республика, конечно, небольшая, но уютная. В аккурат на двоих. И знаете, девушки, может, он из президентов-то в короли выскочит.

А девицы на это:

— Не слыхать что-то, чтобы выскакивали, кроме как на вольный воздух! А ты скажи лучше, денежки-то у него есть?

— Не совру, милые, не совру. Нету у его денег. Чего нету, так нету. Но, как говорится, не в деньгах счастье; с милым рай и в Албанской республике. А мужчинка он — красоты изумительной: глаза голубые, лицо — крем-брюле, и фамелье звонкое: Ахмет-Бей-Цогу. Что же, девушки, сказать купцам-то?

А девицы на это:

— Дай срок, подумаем. А ты приходи завтра — поврешь нам еще о купцах-то. Завтра приходи, старушка. А теперь отваливай.

И таким манером — каждый день. Ни в короб, ни из короба!

Ив. Прутков

„ЛЕТУЧАЯ ПОЧТА"

Письмоносцам приходится бесконечное число раз взбираться по лестницам.

Рис. Н. Р.

— Товарищ! Тебе все едино по пути. Забрось-ка, милый, письмецо в пятый этаж.

СТРОИТЕЛЬНАЯ НАГРУЗКА

Поменьше комиссий, поменьше совещаний!
(Из речи тов. Дзержинского)

Рис. А. Радакова

— Ну вот! Опять двадцать человек комиссии принимать явились! А потом рухнет мостик, и кто будет виноват?

МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ

С внешней стороны — как будто все попрежнему. Даже небо не изменилось: синее с белым. Бесвкусно, как на картине. И так же, как и прежде, работает невпопад: когда нужно, чтобы солнце, во все лопатки лупит дождь. Когда нужен дождь, солнце с невинно-глуповатой улыбкой появляется на небе, точно вот-вот скажет:

— Ах, как соскучилось по вас... Пожалуйста, любуйтесь мной. Врачи говорят, что это для здоровья вам полезно.

Не небо, а настоящий Иванушка-дурачок, который тоже никак угадать не мог, когда плясать, когда плакать.

Сначала я беспокоился за язык. Начитавшись крестьянских писателей, я решил:

— Другой теперь язык в деревне стал. Не поймем друг друга.

И с первым крестьянином я заговорил так:

— Дык, мила-а-ай, тепаю ряшкой насчет сохана-то.

Крестьянин радостно закивал головой и ответил:

— Сохан, дык, того... Одно слово, кружки.

Вскоре, однако, выяснилось, что мой крестьянский язык, который я заимствовал из произведений крестьянских писателей, крестьянин принял за городской язык и из деликатности отвечал мне также по-городскому.

Когда я его уверил, что в городе так не говорят, он дал мне честное слово, что в деревне тоже так не говорят.

Оказалось, что крестьянских писателей в деревне читают с целью... научиться городскому языку. Все то, что город принимает за деревенский язык, деревня принимает за городской.

Когда недоразумение выяснилось, мы заговорили просто, по-человечески, и нам обоим стало легко и хорошо.

Познакомился с самым старым стариком в деревне — с дидом Опанасом. Забыл сказать, что деревня, о которой идет речь, находится на Украине.

Дид Опанас — высокий старик с длинной седой бородой. На мой вопрос, сколько ему лет, он ответил:

— Мабудь, сто пятьдесят. С гаком...

Когда я выразил сомнение, дид очень обиделся и сердито сказал:

— Так по-твоему я брешу? Собака бреше, ось що, а чоловик не бреше. Когда при анпираторе Лександре воля хрестьянам вышла, я ось каким хлопчиком був.

Он показал на аршин от земли.

— Подпаском вже був. А ты говоришь: — брехня.

Как можно было после этого не поверить, что деду Опанасу 150 лет, а то с гаком.

У деда баштан. Огурцы громадные и желтые, „жовтяки". Не всякая корова их ест... Есть дыни и арбузы, конечно.

Жаловался старик на комсомольцев:

— Ну, и хлопци! Хоть бы раз дыню або кавун (арбуз) вкрали...

— Что же тут худого?—удивился я— что не крадут?

Старик опять рассердился. Даже клюкой стукнул, закричал:

— А собаку даром кормлю?.. Да и що воно за хлопец, як кавуна украсть не хочет. Разумные дюже стали. В бога не веруют...

В самом деле, религия сильно пошатнулась: никто даже арбузов не крадет. Безверие — одно слово.

Из уезда приехал товарищ. Объяснил, почему франк падает. Обстоятельно и толково объяснил. Когда уехал, просили еще раз приехать.

После отъезда товарища из уезда, вся деревня долго ломала голову: что такое франк?

Секретарь сельсовета объяснил:

— Должно быть, в роде метра или килограмма.

На этом, кажется, остановились.

„Шеф" прислал труппу. Поставили „Отелло". Так как не было соответствующих костюмов, то были употреблены в действие костюмы из „Ревизора", которые нашлись в уездном городе. Отелло, как самый важный и губернатор, был в костюме городничего. Сошло с успехом. После спектакля Отелло напоили и хотели побить, но воздержались, т. к. боялись, что когда это дойдет до „шефа", то он рассердится и не пришлет обещанного в начале 1924 года трактора.

О. Л. Д'Ор

О МОДАХ

Не каждый понимать может, что такое мода. Некоторые люди даже безо всякого понятия это слово употребляют. Например, жиличка наша Елена Семенна так прямо мужу и тычет: — Завел, говорит, сволочь моду каждую получку пьяным домой приходить! — А какая тут мода, скажите? Никакой тут моды нет. И не Иван Прокофьич эту моду завел: может, до Ивана Прокофьича тысячи людей пили!

Чудачка!

Или вот у Киры Павловны, из второго номера, дочка плохо кушает: того не хочу, этого не могу!

Мать, конечно, обижается:

— Не модничай, говорит, пожалуйста! Жри, что сготовили!

Уж это абсолютно глупо! Нету такой моды, чтобы не жрать: человек завсегда жрать хочет. А ежели человек жрать не хочет, то значит в гостях обедал или заболел, конечно.

А она: мода!

Конечно, моды тоже разные бывают: которые в роде как от блажи, а которые, можно сказать, по необходимости.

Иной раз и не разберешь даже, с чего такая мода взялась и мода ли это вообще.

Портфели, например, носить — мода или не мода?

Некоторые, ясное дело, портфели для моды носят, вместо тросточки; а я, например, с портфелем завсегда в баню хожу.

Очень даже прилично выходит.

Один раз, верно, на службу носок принес, а жена дома ищет: куда один носок пропал!

Начал я в портфеле карандаш искать, а там носок, и пятка порваная. Хорошо, что никто не видел!

Или вот волосы стричь. Раньше волосы от тифа стригли, а теперь с чего — не понять.

Я Марь Иванну спрашиваю:

— Чего, говорю, вы остриглись?

А она смеется.

— Может, говорю, у вас волосы лезут?

— Мода, — говорит.

Я даже удивился.

— Вы, говорю, не стесняйтесь! Муж, говорю, у вас уехавши, так вы, может быть, тоскуете, а с тоски, говорю, они завсегда заводятся. Это, говорю, не позор, а несчастие.

Я ей, конечно, вежливо намекаю насчет бекасов, а она губы надула:

— Какие, говорит, вы невкусные гадости рассказываете!

Так и ушла.

Конечно, такие моды не всякому соблюдать можно.

У кого деньги, конечно, есть — тому плевое дело: выйдет завтра мода длинные волосы носить — купи себе косу какой хочешь масти и наворачивай.

А у кого денег нет — жди, пока волосы вырастут. А волосы только вырастут, опять — выйдет мода короткие волосы носить. Так и не попадешь никак в жилу.

Про юбки я ничего не говорю. Юбки посверх колен очень даже одобряю в смысле мануфактуры: теперь из довоенной юбки три — нонешних выкроить можно, и все по моде будут. Факт!

А в общем и целом не поймешь моду.

Раньше, бывало, нетрудовые элементы женского пола очень опасались загара; в магазинах средства разные от загара покупали и даже огуречным рассолом и молоком умывались.

А теперь мода вышла — загорать.

Лежит такая паразитка трудящихся масс на пляже и преет. Иная облупится вся, орет от боли, а все разные места под солнце подставляет. Потому мода.

Обгорит, как чурка, и нетрудовым кавалерам спину показывает:

— Ах, смотрите, Иван Иваныч, как у меня спина загорела!

Ну, тот смотрит, конечно.

Вообще же это не санитарная мода.

Некоторые, может, и не загорели вовсе, а просто в баню не ходят.

И не разберешь никак: не то от загару, не то от чего другого шея на голенище смахивает. Может, если палец послюнить да по шее провести хорошенько, то и загара никакого не будет. А она, стерва, хвалится!

Тоже моды бывают, которые на производстве вредят.

Я вон в газетах читал, что некоторые работницы нетрудовым модам подражают: юбки узкие носят.

Подойдет такая модница к станку и повернуться толком не может, потому что стеснение в коленках от юбки происходит. Ну, и прыгает, словно спутанная лошадь; смотреть жалко!

Дамочка что? Дамочке наплевать: она никуда не ходит, кроме, извините, как по нужде; а работнице полный поворот нужен — ей по воробьиному скакать некогда: ее работа ждет.

Р. Вол.

ВЕСЕЛЫЕ ЧАСТУШКИ В ПУСТОЙ ЧЕРЕПУШКЕ

В настольном крестьянском календаре за 1926 год нижеподписавшийся „прочел с удовольствием“:

И удовольствие свое выразил нижеследующими сладкими звуками:

Самогон мы льем в канаву,
Нос в сторонку своротив:
Потому — Дюрсо-Абрау
Привезли в каператив!

Моя милая красива,
Что кривое колесо;
Тертой редькой закусила
Три стаканчика Дюрсо.

Пива-браги пить не станем,
На полати ковш швырнем, —
Самолучшим фин-шампанем
Бабку-Ольгу помянем!

Говорила я Афоне,
На пароме, на Сяси:
Позабудь о самогоне, —
Кахетинское соси!

Под зеленый, под лучок —
Лихо пьется коньячок,
А горшок ячменной каши,
Ён, брат — требует Абраши!

Милая, затейная
Не хочу портвейна я, —
Подавай под карася
Сороковочку Дюрся!

Синдикату бьем челом,
Пальцы в рюмки тыкая:
Смычка города с селом —
Дело, брат, великое!!

В. Князев

ПО СУЩЕСТВУ

Рис. Б. Малаховского

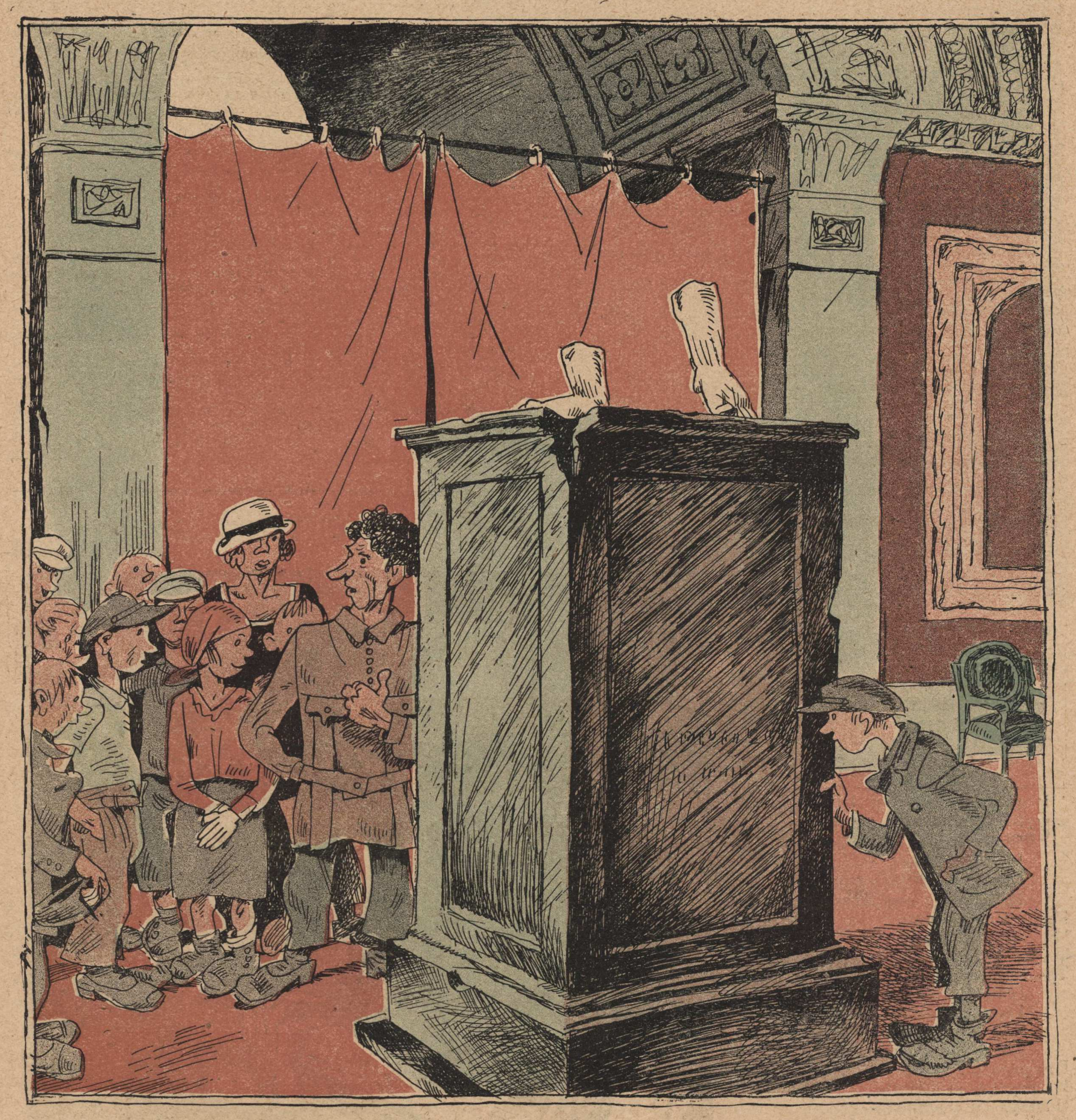
— Кешка! Вылазь, брат! Сюда, кажись, идут!
— Подожди маленько! Как я уж *одной ногой в могиле!*

СРЕДИ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ

Главнаукой получено сообщение из Стрельны, что находившиеся во дворце Орлова художественные мраморные скульптуры проданы на слом... по 1 р. 10 к. за пуд По этому делу ведется расследование.

(Из газет)

Рис. Б. Антоновского

— А это, товарищи,—великолепная статуя знаменитого итальянского скульптора. О ее размерах и весе вы можете судить по тому, что за нее выручено 32 рубля 67 копеек.

ВСЕ ОТНОСИТЕЛЬНО

Тем, кто не попадет на курорт, автор любовно посвящает эти бальзамические строки.

— О, чорт!
— О, собаки!
— Что с вами?
— А с вами?
— Сто сорок! Кровных сто сорок!
— Сто сорок?
— Чему тут удивляться? Да, сто сорок!
— Какое совпадение! У меня тоже украли именно сто сорок.
— У вас? Тоже?
— Увы!
— Что же мы теперь будем делать?
— Надо заявить.
— От этого прибавится для общего сведения два ротозея. Извините, пожалуйста! Я хотел сказать: — один ротозей.
— Ничего, ничего... Не извиняйтесь — вы правы: — деньги не вещи, их не найдешь...
— Какая досада! Какая дьявольская досада! На полпути от Ленинграда до курорта, в каком-то сволоч... простите, пожалуйста, — в каком-то Воронеже — стоп... Возвращайся назад!

— Дальше не поедете?

— Как же я поеду на курорт без гроша в кармане? Ой, ёй, ёй, ёй! Целую зиму мечтать о курорте, экономить, отказывать себе во всем—и быть такой вороной...

— Я понимаю вас... Мы с вами товарищи по несчастью.

— Не утешайте меня... Пожалуйста, не утешайте! Ах, ты мой курортик, курортик! Сухумчик ты мой миленький... Вот когда бы я с наслаждением хлопнул себя по роже! Раз бы! Два бы!

— Извините, пожалуйста!... А вы ехали из Ленинграда в Сухум?

— Пожалуйста, извиняю. Да. Некий осел, именуемый мною, ехал из Ленинграда в Сухум.

— Видите ли, а другой некий осел, именуемый уже не вами, — извините, пожалуйста, — а мною, ехал из Сухума в Ленинград.

— Ну?

— Увы... Этот некий осел...

— Именуемый?

— Мною. Он мечтал о том, что выедет из этого проклятого, осточертевшего ему Сухума и проведет целых две недели в Ленинграде! Ой, ёй, ёй, ёй! Целую зиму мечтать о Ленинграде, экономить, отказывать себе во всем—и быть такой вороной!

— Я понимаю вас. Мы с вами товарищи по несчастью.

— Не утешайте меня.. Пожалуйста, не утешайте! Ах ты, мой Ленинградик! Ах ты, мой Ленинградушко!

— Ленинград! Летом! Фьють... Вот уж не понимаю.

— Да уж получше, поздоровее вашего Сухума!

— Простите меня, к вам это не относится, но надо быть идиотом, чтобы ехать летом из...

— Ленинграда в Сухум!

— Не то я хочу сказать! Наоборот! Море!

— Фьють! Море! А Нева? А какая-то там у вас Фонтанка и Мойка! Вот это действительно красота.

— Нева? Фонтанка? Ой, что вы говорите! Подумайте! Красота — это южное небо, горы, воздух, солнце...

— Да, да, да, и небо, и воздух, и солнце, и горы, но только в Ленинграде.

— Нет у нас в Ленинграде гор! Одно болото у нас!

— Болото? Какая роскошь! Какая недосягаемая роскошь!

— Знаете что?

— А ну?

— Вы так восхищаетесь нашим Ленинградом, что я готов сделать вам предложение.

— Пожалуйста!

— Вот это — ключ от моей ленинградской комнаты. Я напишу вам записку, и моя квартирная хозяйка будет вас две недели кормить...

— Что вы, что вы! Что же я вам за это предложу?

— Вашу сухумскую квартиру и стол.

— Вы шутите!

— Какой к дьяволу шучу! Ну?

— С наслаждением! С наслаждением! Вот вам письмецо передадите его моей жене. Она все для вас сделает! Все! Все! Такие услуги не забываются.

— А вот вам ключ и письмо. У меня в столе лежит томик Чехова — в нем два червонца. Можете их взять.

— Благодарю вас! Благодарю вас! Передайте жене еще вот эту записочку — она найдет у знакомых пару червонцев и вручит их вам в тот же день.

— Едем, значит?

— Ура!

— В Сухум!

— А я в Ленинград!

— Вашему поезду второй звонок!

— Благодарю вас! Благод... Бл..

Евграф Дольский

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ

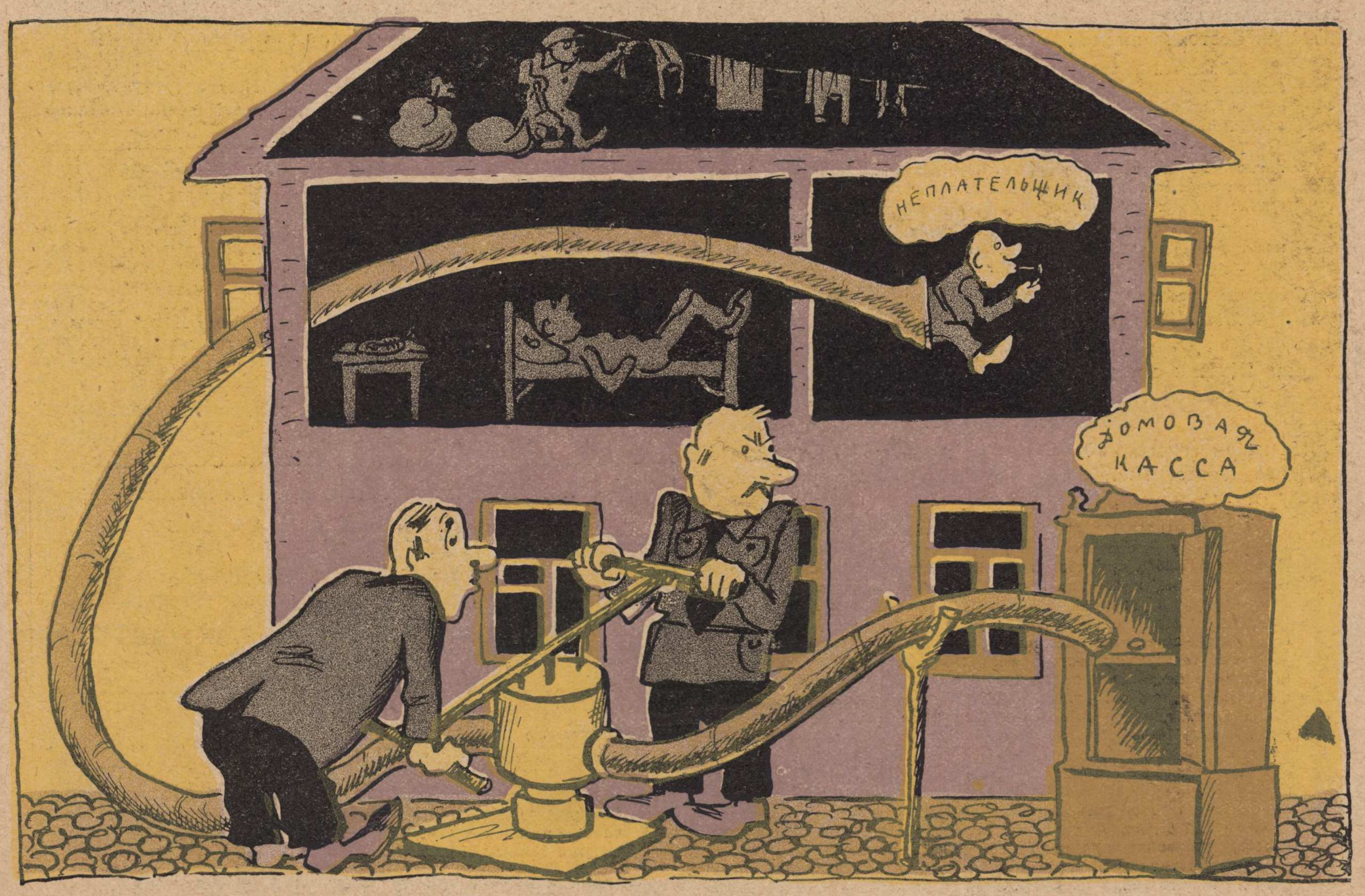
— Давеча зава провожали, поднесли ему портфель, а он отказался.

— Из за режима?

— Нет. Грит, у меня уж пять портфелей есть: поднесите что другое, либо запросто деньгами дайте!...

ДЕЛА ДОМАШНИЕ

Рис. Н. Радлова

— Странно! И квартплату увеличили, а в кассу ни черта не выкачивается!..

ЛЕГКОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Рис. А. Радакова

— Не дышите, пожалуйста!
— Да у меня ведь, собственно, доктор, нога болит!
— Знаю! Я вас потому прошу не дышать, что от вас винищем на версту разит!

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

ЗАЯЦ-ГРАБИТЕЛЬ

Не пугайтесь, не настоящий заяц, а железнодорожный! Звери, которые не хищники, те и не грабят вовсе. Грабежом занимаются двуногие зайцы на Ташкентской жел. дороге. „Правда Востока“ пишет:

За последнее время на жел дороге сильно увеличилось число безбилетных пассажиров. Раньше, когда имелось по одному проводнику на каждый вагон, безбилетники ухитрялись прятаться под вагонные ящики, на паровозы, крыши и буфера.

Теперь проводники сокращены. На весь почтовый поезд оставлено 3 кондуктора. Желающие проехаться „на даровщину“ пользуются этим и дошли прямо-таки до наглости: забираются в вагоны, грабят спящих пассажиров.

Но разве 3 человека, обслуживающих 15 классных вагонов, могут уследить за „зайцами“ и заняться их ловлей, а всю остальную служебную работу забросить?

Смеются „зайцы“ над людьми: какого чорта, дескать, ввели режим экономии, а дозволяете пассажиров в сонном состоянии грабить?

Еще Щедрин сказал: известное дело—ташкентцы!

ПО КАКОМУ ПРАВУ?

На каком основании? По какому прррраву?—вопит судебное начальство Николаева по нижеследующему мелкому поводу (цитируем по „Кр. Николаеву“):

Мастер завода им. Марти С. в порядке сдельной работы поручил рабочему Д. срочную установку станков. За постановку станков Д. получил 225% приработки к основной тарифной ставке. Просто и ясно. Однако, начальник промышленной милиции вбеленился—и к прокурору. Прокурор погрузился в уголо ный кодекс и родил нижеследующее постановление: «Пом. прокурора, рассмотрев сообщение начальника промышленной милиции завода имени Андре Марти по подозрению мастера электро-ремонтного цеха завода Суликовского в небрежном отношении к своим обязанностям, выразившемся в том, что он, Суликовский, допустил рабочего к выработке 225 процентов, между тем как сдельный заработок рабочего доходит лишь до 100 процентов, чем он Суликовский причинил заводу убыток.

Принимая во внимание, что корыстной цели или личной заинтересованности в действиях Суликовского не имеется, что предусматривается соответствующими статьями уголовного кодекса, а потому на основании таких-то статей уголовно-процессуального кодекса уголовное преследование против означенного Суликовского прекратить и возбудить против него дисциплинарное взыскание для чего копию постановления переслать заводоуправлению завода имени Андре Марти для наложения дисциплинарного взыскания на Суликовского и с уведомлением прокуратуры о последующем. Подписано: Помпрокурора (Хомутова)».

Заводоуправление немедленно «катнуло» в свою очередь бумажоночку—приказ по заводу:

«Мастеру электро-ремонтного цеха П. П. Суликовском допустившему и так далее.

Подобное отношение к возложенным на него обязанностям ставится на вид с предупреждением принять меры к неповторению подобного в дальнейшем».

А рабочие недоумевают, в чем дело? *Коллективный договор предусматривает неограниченную сдельщину.*

Все дело, читатель, в жаре. Очень жарко на юге летом. Жара норовит в голову ударить вообще, и в голову начальства, в первую голову, в частности.

СУЧОК И БРЕВНО

В газете „Пролетарский Путь“ (Ульяновка) под заголовком „Язвы и болячки проткнем пером рабкора“ читаем заметку:

НАБАЛЬЗАМИРОВАННЫЕ ТРУПЫ

Говорят, что нет мощей...

А вот недавно наши языковские рабочие убедились, что мощи есть.

Первые — „нетленные“, но с большим душком — переносились из пивной на квартиру А. Т. Назарова.

Дабы узнать, кому принадлежали „бренные останки“, — написали в стенгазету. Но... какие же мощи без чудес? И об'явление было заклеено чистой бумагой.

Другие мощи были найдены на площади фабричного поселка... в уборной (а говорят: — чудес не бывает!. На открытие мощей пришло полюбоваться все население фабрики. Вечером „нетленные“ были перенесены на квартиру Золина Ф. И.

По странной случайности и те и другие мощи имели в кармане партбилеты.

Сучок.

Правильно, Сучок! Молодец „Пролетарский Путь“: благодаря собственному сучку, бревно в чужом глазу открыл!

Предлагаем эти бревна срочно выволочить из Языковской фабрики в Контрольную комиссию.

Там видно будет.

ПОЛНАЯ ГАРАНТИЯ

Абсолютно чистый хлеб можно получать в г. Керчи в одной из хлебопекарен. Судите сами:

В Таманском переулке, в хлебопекарне «Артель» у рабочих нет спецодежды. Они ходят... голые.

В «голом виде» ходят по лавке, в «голом виде» там же обедают.

Не всем покупателям нравится рассматривать голышей.

(«Кр. Керчь»)

Покупатели могут не опасаться: в виду отсутствия частей одежды, временно носки, штаны, поясные ремни запекаться в ситный не будут.

СТРЕЛЬБА В ЦЕЛЬ

„Полесская Правда“ отмечает:

Инструктор физкультуры Речковской с.-х. школы П. П. Лапицкий вместо дела занимается стрельбой «в це ь». Однажды утром из окна своей комнаты, по своему ли «глубокоумию» или просто из любви к «делу» выстрелил в упор в сидящих детей рабочих и учениц и к его удовольствию попал прямо в грудь 2 дробинами одной ученице Турко, которая в ту же минуту в бессознательном состоянии была отправлена в Светиловичскую больницу Интересно знать, входит ли в круг обязанностей Лапицкого подстреливать беспризорных детей?

Пока Лапицкий не расстрелял с.-х. школу, рекомендуем Губоно срочно взять его на прицел.

ЯСНАЯ ЛОГИКА

„Кооперативная жизнь“ рассказывает занятный случай из кооперативной жизни:

В деревне Салтыковка, Тверской губ., на общем собрании членов кооператива, по предложению местного священника, был избран членом правления умерший в 1919 г Егор Котов, как не подверженный земным соблазнам.

Вполне понятно, почему выбор пал на покойника: *Мертвые сраму не имут!..*

ОТВЕТ

— Почему это у вас на трестовских дверях плакат „Вход воспрещается"?!..

— А это в целях экономии, решено начать суровую борьбу со „входящими"!..

УПОЛНОМОЧЕННЫЕ

Выберут людей, назначат уполномоченными, доверят дело, а потом возись с ними, тащи на веревке!

И ведь какая веревка! За такую веревку другой бы, обыкновенный, не уполномоченный, спасибо сказал бы.

А этих чертей никакой веревкой не притянешь.

Дело было в кооперативе при фабрике им. Свердлова, в городе Владимире.

Созвал кооператив собрание уполномоченных.

Не пришли.

Созвал второй раз.

Второй раз не пришли.

Задумался кооператив.

— Нет, — думает — этак охрипнешь, созывая! Человек не рыба. Рыба и та на голый крючок не идет. А человек уполномоченный—тем более! Приманку надо.

— Может, он на музыку клюнет? Попробуем. Назначим собрание в парке.

Но ужасно, ей-богу, трудно, когда натура не изучена. Изволь действовать вслепую, наугад.

Сидит кооператив в парке. Музыка тут — вальсы и марши. А уполномоченных нету. Хоть бы малюсенький какой-нибудь уполномоченнишка музыкой польстился!

— Капельмейстер! Отставить вальс! Давай польку „Бабочку"! Может, он на бабочку пойдет...

Весело заиграли трубы, ухнул турецкий барабан — и резвая „Бабочка" метнулась по парку.

А уполномоченные — словно их и не было на свете — знака о себе не подают. Не плещутся на поверхности парка..

Вернулся кооператив домой, с пустым портфелем и мрачными мыслями:

— Нет,—музыка не приманка. Чего нибудь полакомей надо...

— Разве „Пата и Паташона" пустить в дело? Может, они на „Пата и Паташона" клюнут охотней?

Хорошо.

«В четвертый раз, после неудачи с музыкой, собрание назначили в кино (пишет Владимирский «Призыв», № 144), обещали картины, но также никто не пришел».

И снова задумался кооператив.

— Карусель, например, построить? И объявить собрание в карусели, на ходу?

Построили карусель. Объявили собрание в карусели, на ходу—действительное при любом количестве катающихся уполномоченных, и, притаившись в сторонке, стали ждать.

Сидят, ждут. И вдруг крики:

— Есть! Клюнуло! Верти карусель! Верти шибче, чтобы не выскочили!.. Объявляй собрание открытым! Повестку дня скорее! Переходи к главному вопросу! Резолюцию! Ф-фу! Наконец-то!

После чего перестали крутить карусель: охота взглянуть, какого-такого уполномоченного огребли.

Действительно, один-одинешенек оказался все таки.

Но... и тот не уполномоченный, а просто мелкий несъедобный шкет.

Вытряхнули. Задумались. И не знают, чего дальше придумать.

А дальше ясно:

По примеру Мосздрава, налаживающего изучение растратчиков, *необходимо срочно организовать клинику по изучению уполномоченных.*

Только изучив всесторонне натуру уполномоченного, вы сможете применить такую приманку, на которую он полезет, как рыба на червяка.

Помните, что уполномоченный — не рыба.

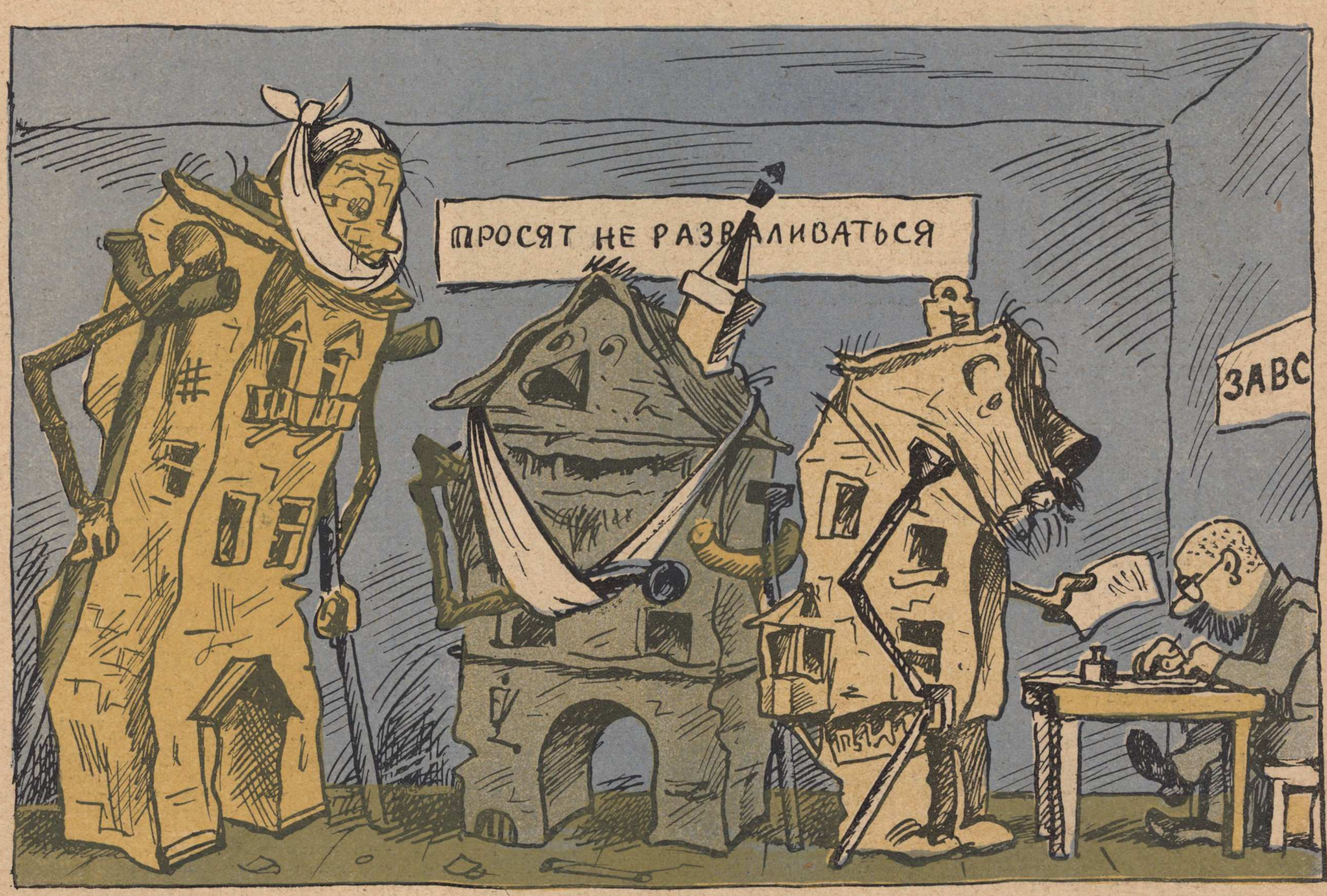
А иногда—гораздо глупее.

Азиат

НА ПРИЕМЕ

Рис. Н. Радлова

В Откомхозе учреждается специальный стол беспризорных домов. (Из ленингр. газет)

— ... И просил я в прошлом году на ремонт своего здоровья... Не дали! А нынче полагаю на захоронение просить...

НА СВОИ АРШИН

Рис. Л. Бродаты

— Говорят, я деру за шитье! А занадобилось мне сделать медицинский анализ, так отдал 15 рублей и это, заметьте, с моим материалом!

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВОЛГЕ

(Из записной книжки отпускника)

Мой друг Павлуша (неврастеник)
И я, — махнули налегке,
Заняв из „подотчетных“ денег,
По „Волге-матушке реке“.

Ах, Волга, Волга! Я не первым
Искал в ней отдых от труда.
Ведь так полезны нашим нервам
Покой и воздух и вода...

Забыт служебный день с нагрузкой,
Корзинка до верху полна, —
Бутылок десять „горькой русской“
И двадцать — пива и вина.

Куда там Крым! Куда там Сочи:
Какая ширь! Какой простор!
Мы пили с ночи и до ночи,
Ведя приятный разговор.

Мой друг, фантазией богатый,
Мечтал, на грудь мою припав:
— Мы — „Миссисипские пираты“,
А не начканц и не помзав...

Но приключился с Павлом случай:
Упившись вдрызг (ведь вот, осел!)
С женой Главбуха — дамой жгучей —
Он флирт на палубе завел.

Сидели с Марьей Алексевной,
И вдруг, прическу теребя,
Вообразил ее царевной,
А „Стенькой Разиным“ себя.

Что было крику и истерик!
И, несмотря на поздний час,
На нелюдимо-дикий берег,
Причалив, высадили нас.

Уснул я головой на Павле.
Но вы восторг представьте наш:
Мы оказались в Ярославле
И вместе с нами — весь багаж!

Так мы проплавали недолго.
И „неудачей“ я зову
Лишь то, что сушей, а не Волгой,
Вернуться нам пришлось в Москву...

Дмитрий Цензор

ЧАСТУШКИ

Мы дрова с милашкой пилим,
Милка бредит Гарри Пилем,
И в меня вселился чорт:
Снова втюрился в Пикфорд!

Я пальтишечко накину
И пойду на драму в кино.
Эх, ты драма, грусть развей! —
Тыща метров — сто любвей...

Полюбился дочке Власа —
Профиль Фербенкса Дугласа,
А Татьянка Носова
Втюрилась в Утесова...

На киятры деньги трачу,
Театралом быть хочу.
На комедии я плачу,
А на драме — хохочу...

Мих. Андреев

ПИСАТЕЛИ

Сошлись они двое в этой пивной случайно. Сели за один столик и разговорились...

— Дда! — хмуро сказал один из них с длинными, как у дьякона, волосами. — Дда! не ценят теперь у нас писателей...

— А вы тоже писатель? — осведомился второй в бархатной толстовке.

— Как же! Десять книг за годы революции написал...

— И напечатали?.. Теперь, ведь, трудно печататься...

— Не скажите! И напечатали, и издали...

Длинноволосый покачнулся и продолжал:

— И как издали!.. Издали, посмотришь, уникумы! Веленевая бумага, фотографии, все книги в роскошных переплетах. Для избранных...

— Стихи-с?..

— Нет. Проза...

— Ну, и что же? Критики замалчивают?..

— Наоборот! Изо дня в день в газетах, в журналах мои книги ругают, а все-таки...

— Дак, ведь, если так ругают, так читатели должны с руками эти книги рвать? Со времен еще господина Белинского это ведется...

— Вот тут-то и заковыка! Вот тут-то и драма! Не читают меня читатели! Да что читатели... Сам себя не читаю! Напишу такую книжищу, сдам ее в набор, а потом и не помню, что я там писал. Как Диккенс или Вальтер Скотт какой...

— Извиняюсь. А ваша фамилия: может, я читал?..

— Едва ли... Фамилия моя Миловзоров, а пишу я.. — Миловзоров икнул и покачнулся. — А пишу я ведомственные отчеты. По тыще страниц печатают, с фотографиями завов, помов, бухов. Критики ругают, а никто... никто не читает... Грустно..

И он утер рукавом навернувшиеся слезы.

— И вообще никто теперь не читает..

— Не скажите, — проговорил собеседник в бархатной толстовке. — Мои вон произведения читают, улыбаются при виде их...

— Что-ж, вы — юморист?..

— Вроде этого...

— А что вы пишете?.

— Вывески пивные пишу. Вот и эта моей работы...

И двое писателей, сошедшихся случайно в этой пивной, чокнулись пенистыми фужерами и выпили каждый за свое здоровье...

Вл. Тоболяков

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Не умеем мы передовиц писать: разглагольствуем, рассусоливаем, пока до сути дойдем.

Вот как начинается в „Бедноте“ передовица:

> Можно кормить коров по нормам.
>
> Хорошая, правильная кормежка—и даже не ахти-какая корова больше молока даст.
>
> Сначала, значит, накорми. А потом увидишь, сколько надоить сможешь.
>
> Так это для коров. А для людей—иначе: сначала разочтут, как их выдоить можно. А про корм скажут:
>
> — Жри, что сам спроворить сможешь.
>
> Так обстоит дело у союзников-победителей с Германией. Победить они победили, а удой был дрянной.

„Беднота“ правильно рассчитала, что не всегда следует брать быка за рога.

В некоторых случаях не вредно брать за рога—корову.

*

Есть такая газета „На Вахте“. Единственная газета, которая возвращает авторам рукописи только потому, что в них... мало воды.

Вот отрывок из фельетона Н. Власова-Окского:

> Пиры да попойки. Пиры да попойки.
> Надоела удалому атаману плыть бездейственно
> И Волга нудит его отблагодарить раздольную.
> И помощники атамановы шепчутся:
> — С бабой связался!
> — Сам бабой стал!
> — И про дело забыл!
> Тошно Разину.
> Захотелось избавы от всего этого.
> — На, получай!..
> И заходили круги по воде...

Ну, есть ли смысл пересказывать своими словами всем известную песню про Стеньку Разина? Да еще таким суконным языком?

Редактору надо было бы поступить с автором фельетона так же, как Стенька Разин поступил с красавицей-княжной: Вскочить, схватить фельетониста—и Волге:

— На,—получай!..

„Красная Газета“ печатает очерки Лапландии:

> Лопари жалуются, главным образом, на финнов. Финны же приходят из Финляндии.

Неужели, из Финляндии?

А мы думали—с тихоокеанских островов!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА“

Непринятые редакцией рукописи не сохраняются.

51. Ленинград, Б. Нор—ву. Очень длинно пишете:

> «Под влиянием продолжительного прикосновения моего носа к холодной клеенчатой поверхности стола, в носу вдруг так защекотало, что я внезапно чихнул, при чем брызги из моего носа многочисленными капельками, точно росою, покрыли поверхность стола».

У нас короче: чихнули — и рукопись в корзине.

52. Ростов, Ник. А—ву.

> «Я уношусь в средневековья мир,
> Где завитые кружевные дамы,
> Залитый яркими огнями пир,
> Узорчатые рамы храмов».

Чего ради вас туда понесло? Неситесь обратно!

53. Харьков, Ю. Простакову.

> «Я—Ю. Простаков, 13-ти лет. Посылаю в редакцию рассказ «Дневник зам зава».

Дорогой Ю. Простаков, 13-ти лет! Твой замзав „не утерпел и нечаянно бросил в голову уборщицы стакан“.

Мне почти в три раза больше лет, и я очень удивляюсь, откуда ты так здорово знаешь замзава?

У меня нет ни одной собачки и кошечки.

Напиши, есть ли у тебя?

54. Москва, Ник. Од. К сожалению, такая форма кино-фельетона добросовестно затаскана.

55. Хутор Сежиково, Калужск. губ., Айзику.

> «Ах, красива моя Вера,
> Ты, кажись, ее видал.
> Настоящая Венера...
> — Ну,—другой тут перервал...

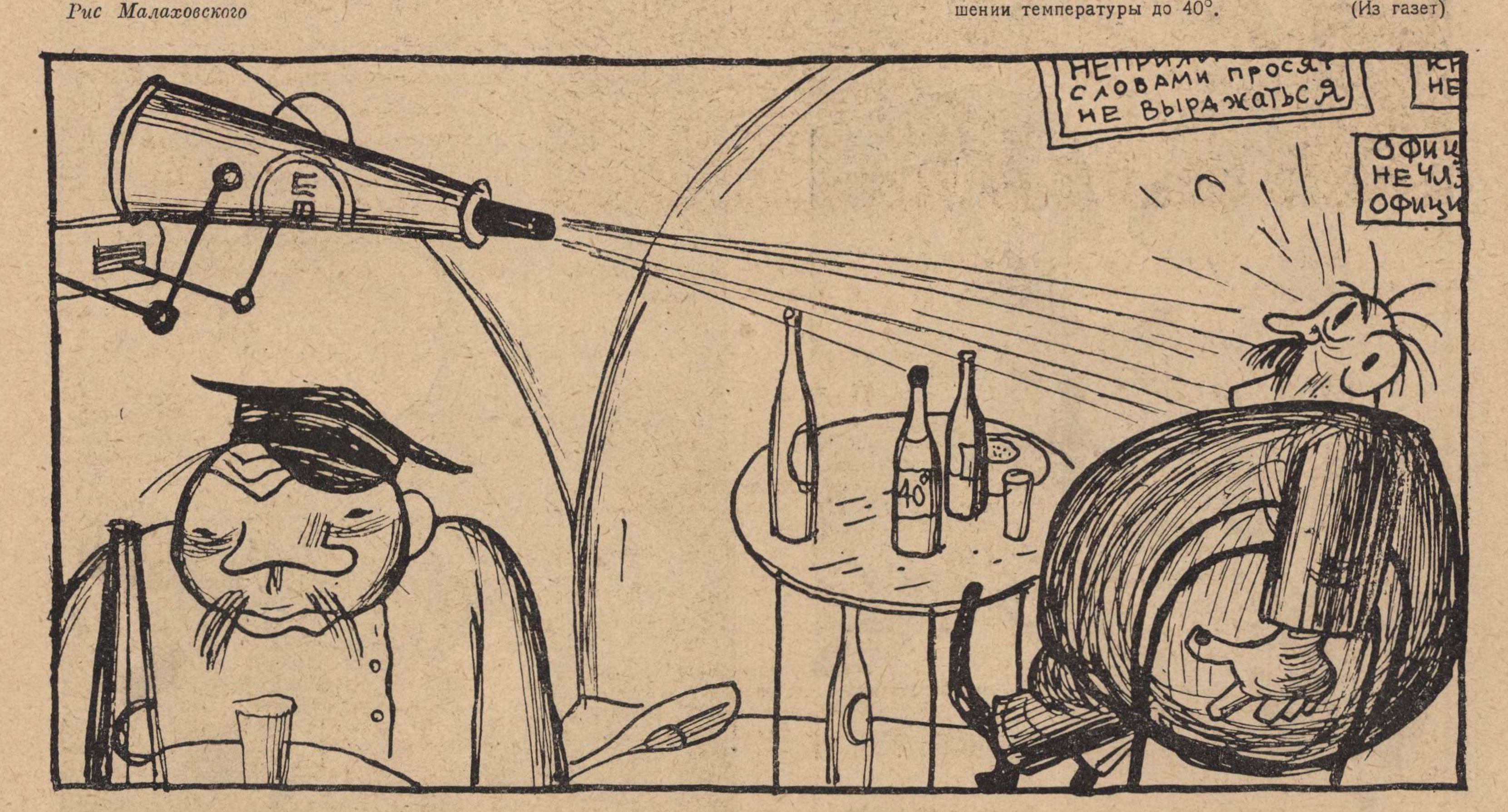
Что перервал? Если ваши стишки — приветствуем. Нельзя острить: „Венера — венерический“.

Ив. Пр.

ЧУТКИЙ «ШЕФ»

Химический огнетушитель „Шеф“ (сист. инж. Фальковского) действует автоматически, при повышении температуры до 40°. (Из газет)

Рис Малаховского

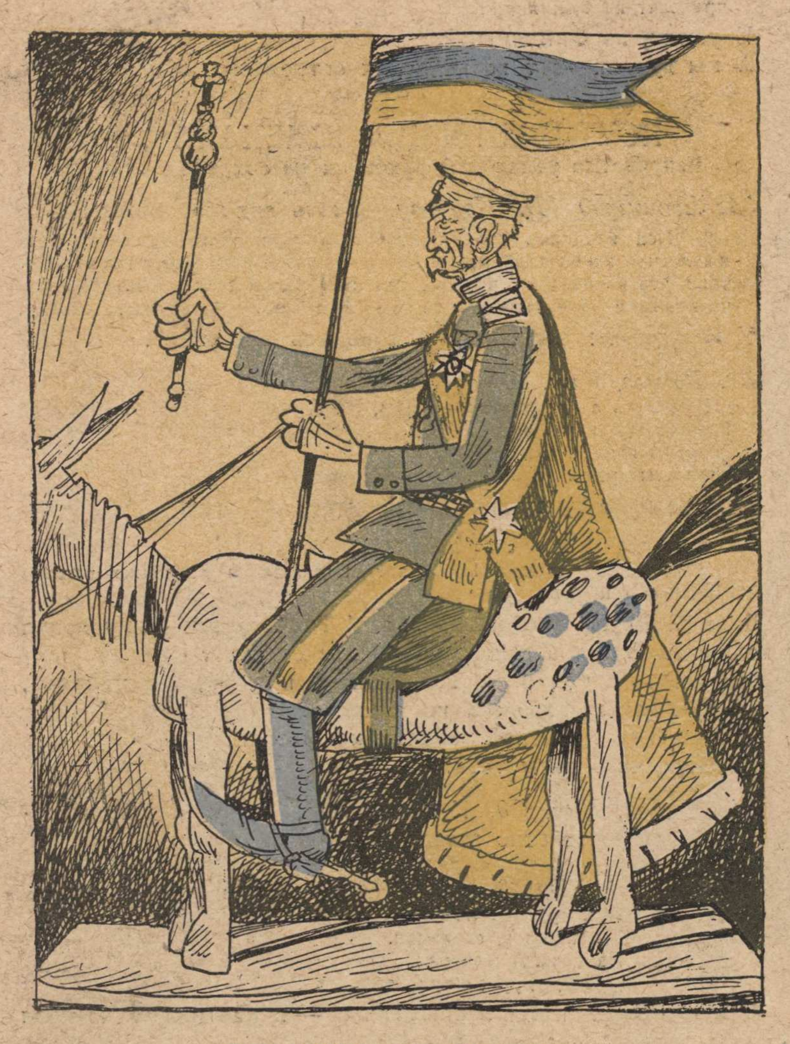
СОРОК ГРАДУСОВ ПОЧУЯЛ!

Издатель „ГУДОК“. Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

Ленинградский Гублит № 19428. Гос. тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14. Заказ № 3420. Тираж 80.000.

КОРОЛИ И ЗВЕЗДЫ ЭКРАНА

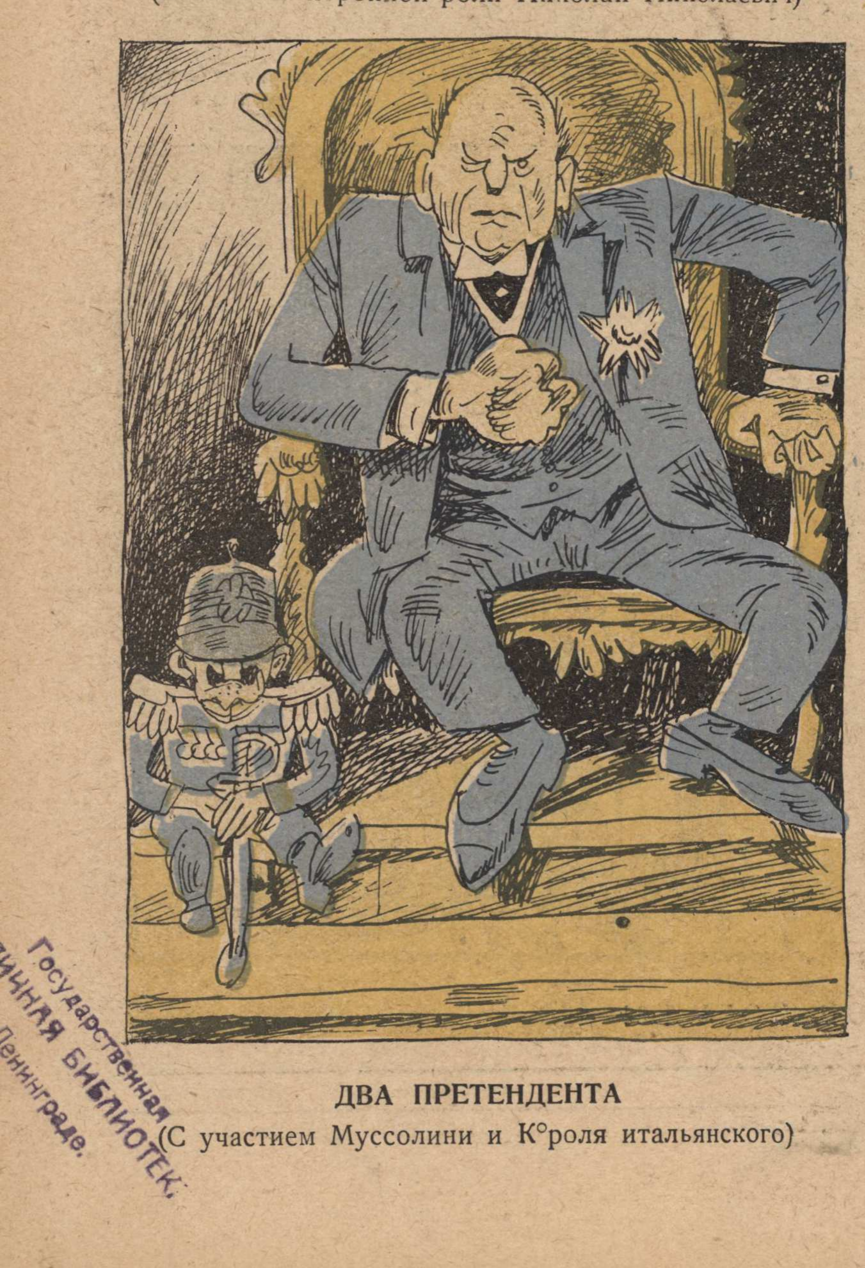
Рис. Б. Антоновского

ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ
(Боевик! В коронной роли Николай Николаевич)

С ЧЕРНОГО ХОДА
(Блестящая постановка оператора Пилсудского)

ДВА ПРЕТЕНДЕНТА
(С участием Муссолини и Короля итальянского)

НАШЕ ГОСТЕПРИИМСТВО
(С участием английского горняка, соглашателей и мистера Болдуина)